

УДК 111. 32 : 63 : 130. 2

*О. Н. Городыская
м. Харків, Україна*

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА: ПОИСК КОМПРОМИССА

Изменяющийся мир ставит перед человечеством все новые масштабные задачи, а неизбежная глобализация естественным образом приводит к определенному упорядочиванию, ужесточению способа жизни. Возможно, это не всегда бывает очевидным, однако это так. Человеческое общество не является произвольным объединением людей, но за долгие века люди научились оказывать некоторое влияние как на процессы, происходящие в социуме, так и на жизни отдельных людей.

Вопрос о взаимоотношениях человека и техники не нов в философии и науке, однако сама проблема тесно связана со значительной долей прогнозирования будущей динамики в этой сфере. По этой причине хотелось бы лишь подчеркнуть, что при рассмотрении данного аспекта использовались труды авторов по антропологической и социально-философской тематике – работы М. Шелера, М. Фуко, Ж.Ф. Лиотара, Л. Мамфорда. Всякое взаимоотношение человека и техники вызывает определенный социально-антропологический эффект, именно это и стало ведущей проблемой данного исследования.

Человек давно вышел за пределы жизни в природе, он стал создателем и обитателем культурной среды, искусственного поля жизни, что стало важнейшим фактором в становлении «человеческого». Тезис Шелера о том, что то, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный жизни вообще [5, с. 53], остается по-прежнему актуальным и даже приобретает все новые смыслы. Безусловно, это, в первую очередь, связано со все усиливающимся и усложняющимся взаимодействием человека и техники в самом широком смысле. В современной философии – это одна из наиболее острых проблем. Начиная с вопроса о происхождении и заканчивая усилением трансгуманистических тенденций, человек и техника давно соединились в неразрывном единстве, где зачастую отделить одно от другого бывает уже невозможно. К тому же место и роль техники в процессе дальнейшего развития цивилизации только усиливаются, что может привести к непредсказуемым последствиям. Здесь следует подчеркнуть, что сама категория «техника» не может быть истолкована сугубо

научно. Техника, прежде всего, представляет собой совокупность специально выработанных способов деятельности и знание об этих способах и средствах деятельности, а кроме того, – искусство формирования человеческого, что весьма усложняет выявление и изучение связей человека с техникой.

В этих условиях отношения между человеком и техникой существенно трансформируются, человек с очевидностью становится в известном смысле придатком машины (техники), а сама жизнь в обществе все больше тяготеет к модели некоего алгоритма. Проанализировать возможные варианты взаимоотношений человека и техники можно обозначить как основную цель работы. Весьма любопытной в этой связи представляется идея Л. Мамфорда о мегамашине, которая уже сейчас может выглядеть вовсе не метафорично для оценки глобального человеческого муравейника. Мамфорд сформулировал понятие «мегамашина», в первую очередь, в отношении к тем системам из живой силы, которые реализовывали определенные масштабные задачи, причем лишь со временем человеческие звенья замещались механическими элементами. Такие объединения людей выглядели и функционировали именно как машины, более того, – чтобы максимально механизировать силу машины, необходима была «социализация» механических посредников [2, с. 167], то есть четкое распределение внутренних взаимодействий для контроля над получаемым результатом. Очевидно, что сама такая машина не была автономным образованием, поскольку секрет такого тотального контроля был в наличии внешнего единого разума – фактора, определявшего и сами задачи, и их целесообразность. Средоточием такого «разума» могла быть только единая централизованная власть (зачастую царская, священная), поскольку только так можно было «оправдать невероятное напряжение общественных сил для работы, задачи которой были часто совершенно оторваны от непосредственного служения жизни» [2, с. 172].

Со временем сверхзадачами выступали уже не гигантские постройки, например, а куда более абстрактные замыслы, трансформируя чисто механическое действие в общественное. Мегамашинной стало сочетание многих компонентов, включая политические, хозяйственные, военные, бюрократические; это было уже незримое сооружение из живых, но пассивных человеческих деталей, которое было нацелено с равной эффективностью как на созидание, так и на разрушение, поскольку оба эти действия предполагали друг друга.

Здесь необходимо оговориться, что машина для нас – не просто некий механизм, помогающий в нашей повседневной и общест-

венной жизни. Главное преимущество ее – контролируемость, предсказуемость, воспроизводимость, повторяемость; она выражает нашу рациональность во всей ее ясности и эффективности при реализации разнообразных планов, да и просто в жизни. Машина – метафора идеальной реальности, упорядоченной и контролируемой. Именно поэтому Мамфорд использовал данное понятие для характеристики действительных человеческих в рамках мегамашины – чтобы подчеркнуть их результативность, даже истинность. Человеку свойственно тяготеть к этой упорядоченности, установленности, контролируемости. Этому во многом способствовало развитие системы научных знаний, особенно – знаний о человеке, что позволяло максимально объективно оценивать возможности контроля над человеком и даже влияния на его личность.

Со временем та самая власть, которая создавала мегамашины, начала с не меньшей эффективностью конструировать самих индивидов, фактически переходя с мегауровня на микроуровень. Элементы мегамашины продолжали работать на достижение абстрактной цели – но достижение ее позволило бы в еще большей степени «механизировать» общественный организм, предельно алгоритмизировать его жизнь. Основными формами, в которых осуществлялось такое конструирование, были наиболее важные социальные институты: здравоохранение, пенитенциарная система, образование, – то, что М. Фуко назвал дисциплинарными пространствами общества. В своих работах Фуко раскрывает порядок становления этих форм, при этом осуществление в пределах таких дисциплинарных форм отношений власти всегда основано на полноте знания о тех, на кого эти отношения направлены. Власть производит необходимые дискурсы, которые формируют необходимых субъектов для реализации необходимых отношений власти. По этой причине сущность власти оказывается неуловимой, что снимает традиционные для прежних социально-философских концепций представления о возможности осуществить революцию и улучшить власть. Человек оказывается марионеткой власти, и ему приходится постоянно искать пути для ускользания от ее всеохватывающих пут. Власть берет под контроль человеческие желания и стремления, и теперь не столько тело, сколько сама духовная составляющая человека оказывается полностью несвободной и зависимой: «...реальный человек, объект познания философской рефлексии или технического вмешательства, не был заменен душой – иллюзией теологов. Человек, о котором нам рассказывают, которого нас призывают освободить, является следствием подчинения куда более глубинного, нежели он сам. «Душа» обитает в нем и дает ему существование, которое само являет-

ся элементом господства, осуществляемого властью над телом. Душа есть следствие и инструмент политической анатомии; душа – тюрьма тела» [4, с. 46]. Образом надзирающей и наказывающей власти выступает Паноптикум Бенгтама, идея которого уже давно воплощена в тюрьмах и больницах, школах и казармах, в монастырях и университетах. Так понятие освобождения выполняет на практике поработочающие и угнетающие функции. Власть уже не опирается на право на смерть, а функционирует как полиморфная техника управления жизнью в форме советов и рекомендаций специалистов.

Здесь метафора машины оказывается как никогда зримой – и ужасающей. Если мегамашина более раннего периода практически преследовала вполне материальные, приземленные цели, то машина современной власти стремится, прежде всего, нивелировать все то, что выражает неповторимое своеобразие человека, его индивидуальность, взять под контроль даже его внутренние переживания, превратить его самого в послушный, предсказуемый, повторяемый механизм. В ситуации глобализации этот процесс, с одной стороны, оказывается все более и более сложным, а с другой, – все более и более необходимым, поскольку только таким образом можно сохранять порядок и контролировать проблемные моменты усложняющейся системы социальных и политических связей. Отдельной проблемой является также и то, что власть, которая задает саму динамику процесса формирования индивида, давно утратила как флер священности, так и легитимность, обеспечивавшуюся гуманистичностью, разумностью устремлений и научным основанием. Как указывал Ж.Ф. Лиотар, ситуация постмодерна в целом характеризуется не только утратой легитимности ведущим (господствующим) нарративом, но и попыткой полной переориентации на сохранение частной обыденной жизни микронарративами, не претендующими на позиции власти [1, С. 92–94, 99–101]. Вера в господство разума, правовую свободу и справедливость, уверенность в социальном прогрессе были подорваны. Поэтому всякий механизм воздействия на человека извне посредством общественной мегамшины будет вызывать не только вполне естественную, но и оправданную реакцию – избегания, ухода, отталкивания. Речь идет о том, что любая власть сейчас не имеет легитимности на превращение частного человека в неотъемлемую деталь общественной машины, это возможно только с его добровольного согласия. Однако и здесь машина (техника) занимает важнейшее место в оправдании действий власти путем убеждения частного лица в необходимости его участия, поскольку современная

жизнь как отдельного человека, так и общества в целом немислима без техники и машины.

Таким образом, современный человек оказался перед выбором: сознательно стать частью общей мегамшины, поскольку без нее невозможно представить дальнейший процесс глобализации, либо продолжить практику избегания всякой включенности во всеобщий процесс ради сохранения иллюзии частной жизни. Оба пути могут оказаться губительными для человека, можно лишь с уверенностью утверждать, что его взаимоотношения с техникой будут и далее усложняться и с необходимостью изменят еще не только мир, но и самого человека.

Список литературы: 1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; [пер. с франц. Н.А. Шматко]. – М., СПб. : Изд-во «Алетейя», 1998. – 160 с. 2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд ; [пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова]. – М. : «Логос», 2004. – 284 с. 3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; [пер. с фр., ком. и послесл. С. Табачниковой]. – М. : Касталь, 1996. – 448 с. 4. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко; [пер. с фр. В. Наумова]. – М. : Ad marginem, 1999. – 480 с. 5. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер ; [пер. с нем. А. Филиппова] // Проблема человека в западной философии: переводы ; [сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова]. – М., 1988. – С. 31–95.

О. Н. Гордыская

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА: ПОИСК КОМПРОМИССА

Человек – создатель и обитатель культурной среды, в которой важную роль играет техника – искусство формирования человеческого. Со временем человек становится придатком машины (техники), а сама жизнь в обществе все больше тяготеет к модели некоего алгоритма. Такой алгоритм можно обозначить как мегамашину, в которой механическое действие постепенно трансформировалась в общественное. Машина – метафора идеальной реальности, упорядоченной и контролируемой. Действуя в рамках этой реальности, власть моделирует самого человека, что в условиях современности может быть проблематичным и пагубным для будущего человечества.

О. М. Городиська

ЛЮДИНА І ТЕХНІКА: ПОШУК КОМПРОМІСУ

Людина є творцем та мешканцем культурного середовища, в якому важливу роль відіграє техніка – мистецтво формування людського. З часом людина стає додатком машини (техніки), а саме життя у суспільстві все більше тяжіє до моделі певного алгоритму. Такий алгоритм можна позначити як мегамашину, у якій механічна дія поступово трансформувалася у суспільну. Машина є метафорою ідеальної реальності, впорядкованої та контрольованої. Діючи у рамках цієї реальності, влада модулює саму людину, що в умовах сучасності може бути проблематичним та згубним для майбутнього людства.

O. N. Gorodyskaya

HUMAN AND TECHNICS: SEARCH FOR COMPROMISE

Human is the creator and the inhabitant of the culture where the technics as the art of human formation takes the important place. By time human becomes the machine (technics) affix and the life in society strives to the algorithm model more and more. Such algorithm may be marked as megamachine in which mechanical activity was gradually transformed into social. Machine is the metaphor of the ideal reality which is ordered and controlled. Acting in this reality power models already the human what may be problematic and harmful for the mankind future in modern circumstances.

Стаття надійшла до редакції 25.04.2016